

19

Преподобный Игнатий среди угличских святых

Сообщения летописей об угличском князе Андрее и его сыновьях Иване и Дмитрии

«В лето 7000 [1491]. Приехал на Москву князь Андрей Угличский сентября в 19 день, в понедельник. Князь великий почти его велими вечера того, а назвѣтнее поимал во вторник брата своего князя Андрея Васильевича Угличского и бояр его... И сидел в западне до вечерни. И сведоша его на Казенной двор и приставиша стеречи многих князей и бояр.

И после на Углич Поле князя Василья Косово, да брата его князя Ивана Мынынду, княжих Ивановых детей Юрьеича, да князя Петра Ушатова, и иных детей боярских по 5-ти сот и велел поимати детей князя Ивана да князя Дмитрея. И поимаша, и посадиша в Переславле, и сторожи уставиша, а дщери не ведоша. На той неделе и железа возложиша, сентября в 22 день, и сторожев к целованью приведеше».

Архангелогородский летописец // ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 97–98.

«В лето 7030-го [1522]. Преставися бысть благоверный князь Иван Андреевич Оуглицкой в чернцах и во скиме наречено имя ему Игнатей, и положен бысть оу Спаса на Прилуце в монастыре, в Дмитриевском чудотворцове, месяца мая в 19 день, на память святаго священномученика Патрика Прускаго».

Дополнения к Летописному своду 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.; Л., 1963. С. 161.

«Лета 7052 [1543/1544]. Преставися князь Дмитрей Андреевич Углицкой... в Переславле штидесяти лет, а сиде в железех в тьну 54 лета. И привезоша тело его на Вологду и погребоша у Спаса на Прилуке, идеже положен брат его князь Иван Андреевич, во мнишеском чину Игнатей, его же Бог прослави, угодника своего, чудесь».

Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. Постниковский. Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 180.

Иван Угличский (Игнатий Прилуцкий) 1480–1522

Благоверный князь, вологодский и угличский святой

Иван, сын удельного угличского князя Андрея Васильевича Большого, брата Ивана III, внук Василия II Темного, родился в Угличе весной или летом 1480 года. Позднее в семье появились еще трое детей: сын Дмитрий (около 1482 года) и две дочери. Детство и отрочество Ивана совпали с трагическими событиями. В апреле 1483 года скончалась мать, княгиня Елена Романовна Мезецкая. В эти же годы особую остроту приобрело противостояние между родными братьями: великим князем Иваном III и удельными Андреем Большим Угличским, Борисом Волошким и князем Юрием. Взаимные «обиды» и «прения» о сути властных великокняжеских полномочий привели к тому, что Иван III объявил своих братьев изменниками, которые «грамоты свои посылали в Литву к королю Казимеру, одначаса с ним на великаго князя...», «да посылаш [Андрей Васильевич] грамоты свои к царю Ахмуту [хану Ахмату] Болшия Орды, приводиша его на великаго князя в Рускую землю ратию».

В 1491 году князь Андрей был вероломно схвачен Иваном III в Москве под предлогом нарушения им клятвенного «крестного целования» великому князю и заточен в Кремле на Казенном дворе, а его угличский удел присоединен к землям великого князя. Через три года при неясных обстоятельствах Андрей Васильевич умер в заключении и был похоронен в Архангельском соборе — усыпальнице князей Московского дома. Вместе с отцом в опале оказались и его сыновья Иван и Дмитрий, сразу после ареста отца схваченные в Угличе. Местом заточения княжат стал Переяславль Залесский, но позднее, после смерти князя Андрея, их, возможно, на какое-то достаточно длительное время, препровождали под надзором на «Белоозеро» (в Кирилло-Белозерский монастырь?) и в Вологду.

Аресты и расправы великого князя над своими братьями и их родственниками в официальном летописании и работах позднейших исследователей обычно находят оправдание при оценке политической целесообразности деяний Ивана III, укреплявшего центральную самодержавную власть в нарождающемся Московском царстве. Но северные летописные своды (в частности, Устюжская летопись), поздний Угличский летописец, свободные от официальной тенденциозности, отражают негативную оценку действий Ивана III в различных слоях русского общества. Это обстоятельство, подкрепленное исторической памятью, во многом объясняет интерес многих поколений угличан и вологжан к трагичной судьбе князя Андрея и его сыновей.

Краткое житие подвижника, составленное, как полагают исследователи, в середине XVI века монахом Спасо-Прилуцкого монастыря Логгином, и появившаяся позднее служба святому Игнатию подчеркивают величие духовного подвига князя Ивана. Те немногие сведения, что сумел собрать по устным рассказам Логгин, весьма лаконично описывают биографию Ивана, акцентируя внимание на внутреннем мире и духовных переживаниях героя повествования. Княжич Иван выступает христианским мучеником, безвинно пострадавшим, но не отчаявшимся. Полагаясь во всем на волю Божию, невольный затворник проводит время в молитвах; духовно поддерживает своего брата Дмитрия; искренне прощает обидчиков, пытаясь найти в их неправедных деяниях скрытый внутренний смысл: «Бог брату нашему, государю и великому князю Иоанну Васильевичю о нас известил полезная душам нашим творити, отлучи нас сего света суетнаго...». В житии подчеркивается, что большая часть времени совместного заключения («и пребысть в темнице и во оузах окованы тридесять и два лета») братьев прошла в Вологде. Но, скорее всего, местом постоянного заключения угличских князей оставался Переяславль Залесский, откуда братья часто совершали паломнические поездки в излюбленный ими Спасо-Прилуцкий монастырь и другие обители Севера.

Возможно, что в одно из таких посещений Вологды старший брат тяжело занемог «болезню смертною» и, — продолжает автор

жития, — «познав свое преставление и возжелав иноческого образа, и призвав к себе спасскаго игумена Мисаила из чудотворцева монастыря Дмитриева и начат молити его о иноческом образе. Игумен же, видя его с верою просяща, и постриге его во иноческий образ и нарече имя ему Игнатий, и по сем и в схиму соверши...». После причащения и прощальных слов новокрещеный инок Игнатий скончался. Произошло это 19 мая, но год смерти в разных списках жития и ряде летописных сообщений читается по-разному: 1522, 1523, 1524, 1525. Погребли его под алтарем соборного храма Спасо-Прилуцкого монастыря, у ног основателя обители Дмитрия Прилуцкого.

Брат Дмитрий намного пережил Иоанна-Игнатия. В декабре 1540 года боярская дума от имени десятилетнего Ивана IV постановила заметно облегчить его тюремное содержание. Умер он около 1543/1544 года, а на освободившееся в Переяславле место на «княже Андреевых детей Углецково дворе, где они сидели» были переведены новые заключенные — князь Иван Иванович Кубенский с супругой. Похоронили Дмитрия в подклете Спасского собора Спасо-Прилуцкого монастыря, «при ногах брата», установив со временем деревянную гробницу, такую же, как над мошами преподобных Дмитрия и Игнатия Прилуцких. Со временем Дмитрия стали почитать как благоверного князя-страстотерпца, но общерусского прославления он не получил.

Время и обстоятельства канонизации Иоанна-Игнатия вызывают споры. По одним данным он, как и младший брат, не был объявлен общерусским святым, а почитался только как местный вологодский (а позднее и угличский) чудотворец. По другим сведениям его общерусское прославление состоялось в 1551 году, на Макарьевском соборе, по представлению ростовского архиепископа Никандра (1549—1566). Начало местного поклонения ему засвидетельствовано в житии целым рядом посмертных чудес, первые из которых совершились при похоронах. Открытый характер прощания со страдальцем, «царьскаго корени отраслю», привлек многих вологжан: «Слышавше же преставление народ града того, и стечеса множество людей на погребение его». Когда останки князя-инока на следующий день несли на отпевание к соборной церкви Воскресения Христова, прикоснувшись к гробу, получила исцеление «посадская жена» Александра, страдавшая тяжелой формой паралича. По прибытии процессии в Спасо-Прилуцкий монастырь, во время заключительной панихиды, согласно житию, произошло чудо исцеления некоего Михаила, неизлечимо страдавшего «сердечною болезнию и ... всем нутром».

Об устойчивой традиции молитвенной памяти князю-схимнику свидетельствует развитая иконография. В Вологде и Угличе иконописцы обычно изображали Иоанна-Игнатия в кругу местных святых — покровителей городов, ставших поборниками в молитвенной памяти святого Игнатия. На родине Игнатия, в Угличе, с XVII века его почитают в общем пантеоне угличских святых наряду с князем Романом Угличским (XIII век) и царевичем Дмитрием (XVI—XVII века). В Вологде местное почитание святых Игнатия и Дмитрия, подтвержденное в 1841 году, поддерживается через настоятелей и братию Спасо-Прилуцкого Дмитриева монастыря.

Р. П. Биланчук

Источники и литература: ВГИАХМЗ. № 2470. Л. 1—16; Отдел рукописей РНБ. Q. I. № 365, Л. 226 об.—230 об.; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Под ред. С. В. Бахрушина. М.; Л., 1950. С. 471; Житие Игнатия Вологодского // Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 28. С. 223—228; ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 156, 161, 322; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 287; Т. 34. М., 1978. С. 26, 180; Т. 37. Л., 1982. С. 97—98, 196; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... изданная по самовернейшим спискам. Ч. 1. М., 1787. С. 23; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местнотимых. Вологда, 1880. С. 387—404; Голейзовский Н. К. Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь. 2002. № 4. С. 21—23; Добряков Л. Сказание о чудотворной иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость», находящейся в Вологодской Скорбященской тюремной церкви. Вологда, 1897; Ключевский В. О. Древнерусские жития русских святых как исторический источник. М., 1988. С. 271; Савваитов П. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. СПб., 1844. С. 31—32, 36—37.

20 Согласно вологодскому преданию, возникшему, видимо, не ранее XVIII века, утешением для братьев-узников, князей Ивана и Игнатия, был образ Богородицы «Всех Скорбящих Радость». До 1821 года икона находилась в часовне, выстроенной перед вологодским острогом, вне тюремной ограды. Губернатор Н. П. Брусилов, видя искреннее почитание вологжанами этого образа, попросил епископа Онисифора ходатайствовать перед Святейшим Синодом об устройении при тюремном остроге особого храма во имя Божией Матери, в честь иконы «Всех Скорбящих Радость». В 1824 году, в связи с постройкой новой тюрьмы (так называемого Вологодского тюремного замка), для иконы воздвигли и новый храм, первым старостой которого стал «виновник устройства... начальник губернии Н. П. Брусилов». Вологодский образ «Всех Скорбящих Радость» неизменно привлекал множество богомольцев, поэтому впоследствии тюремная церковь была расширена и открыта для свободного посещения в воскресные и «высокоторжественные» дни, а также в периоды постов по средам и пятницам. В настоящее время почитаемая чудотворной икона находится в вологодском Богородице-Рождественском кафедральном соборе.

21 Собор Спасо-Прилуцкого монастыря, в подклете которого погребены князь Игнатий и Дмитрий